

Жесткова Елена Александровна

МИР ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ В. И. ДАЛЯ

Статья посвящена раскрытию темы детства в художественной прозе В. И. Даля на примере рассказов "Милостыня", "Крестины", "Крещенский сочельник", "Детские сумерки". Писатель создает особый образ детства, реалистический и трагический, с одной стороны, высокий, романтический, жизнеутверждающий - с другой. Детство рассматривается как самоценный жизненный период, и этот смысловой оттенок следует признать несомненным открытием писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 70-74. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Амма Аччыгыя. Сэһэннэр, кэпсээннэр, ахтылылар. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1986. 528 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. Т. 1. Фонетика и морфология. 336 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 2. Синтаксис. 402 с.
4. Ефремов Н. Н. Аналитические сложноподчиненные предложения в якутском языке (в сопоставлении с хакасским языком) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29). Ч. 1. С. 66-69.
5. Кенесбаев С. К., Карашева Н. Б. Казахский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. Т. 2. С. 320-339.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
7. Тажибаева С. Ж. Каузальные полипредикативные конструкции якутского казахского языка (сопоставительный аспект). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 271 с.

CAUSATIVE-CONSECUTIVE CONSTRUCTIONS IN THE YAKUT AND KAZAKH LANGUAGES

Efremov Nikolai Nikolaevich, Doctor in Philology

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
 nik.efrem50@mail.ru

For the first time in the Yakut linguistics synthetic poly-predicative constructions with causative-consecutive meaning in the Yakut and Kazakh languages under the comparative aspect are considered in the article. It's stated that construction data in the comparable languages, which are characterized by common typological features, have the definite structural differences determined by their systematic peculiarities.

Key words and phrases: Yakut and Kazakh languages; poly-predicative construction; causative-consecutive relations; synthetic type; predicate; predicative unit.

УДК 82.09

Филологические науки

Статья посвящена раскрытию темы детства в художественной прозе В. И. Даля на примере рассказов «Милостыня», «Крестины», «Крещенский сочельник», «Детские сумерки». Писатель создает особый образ детства, реалистический и трагический, с одной стороны, высокий, романтический, жизнеутверждающий – с другой. Детство рассматривается как самоценный жизненный период, и этот смысловой оттенок следует признать несомненным открытием писателя.

Ключевые слова и фразы: мир детства; образ ребенка; творчество; православие; душа ребенка.

Жесткова Елена Александровна, к. филол. н., доцент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
 ezhestkova@mail.ru

МИР ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ В. И. ДАЛЯ[©]

Русская литература являет собой весьма «поучительное зрелище в художественном осмыслении младенчества, детства» [13, с. 17].

Таинственность мира детства, постижение которого представляет собой величайшее из наслаждений (таинство рождения, младенчество, умягчающее самую «одеревеневшую» душу, детская речь: «Устами младенца глаголет истина»), образ райской души, безгрешной в своем неведении и открытой для любви), раскрыта в творческом наследии В. И. Даля. Почти все произведения писателя наполнены детскими образами, воспоминаниями героев о своих первых жизненных впечатлениях, проникнуты тонкими наблюдениями взрослых персонажей за внутренним миром ребенка – миром, простым в своей почти первобытной примитивности и одновременно невероятно сложным для восприятия взрослого человека.

В данной работе мы остановимся на некоторых рассказах из цикла «Картины из быта русских детей» и покажем особенности художественного осмысления темы детства в творчестве В. И. Даля.

Книга «Картины из быта русских детей», увлекательно написанная, показывает взрослым – педагогам, психологам, родителям – и современным детям, как естественно и плодотворно протекало освоение духовно-нравственных понятий и воспитание на их основе в семье XIX века. Рассказы Даля, входящие в данный цикл, носят биографический характер. В них угадываются воспоминания писателя о собственном детстве.

«Мать разумным и мягким обращением своим, и более всего примером, с самого детства поселила во мне нравственное начало» [1, с. 32], – вспоминал Даль. Она всю жизнь оставалась его самым большим другом. А ещё мать приучала своих детей любить всякий труд. У неё самой были изумительно искусные руки, способные ко всякому ремеслу. Мать учила: «Надо зацеплять всякое знание, какое встретится на пути; никак нельзя сказать вперёд, что в жизни пригодится» [Там же]. Способность «зацеплять» знания и ремесла останется у Даля на всю жизнь.

Педагогическая мудрость героев Даля является образцом общего миропонимания различных поколений в семье. Достойная жизнь взрослых наполнена не столько заботой о хлебе насущном, сколько о формировании «доброты сердца» в детях.

«Привыкайте обдумывать и обсуждать каждую вещь и тогда уже осуждать ее, а то каждый кричит свое, не думая выслушать другого...» [4, с. 68], – замечает бабушка, героиня рассказа «Милостыня». «Она (*бабушка – Е. Ж.*) высоко чтит проявления внутреннего голоса в детях, которые так редко случаются в виде бессознательного отворачивания ко злу» [Там же, с. 69]. Так естественно и просто преподается детям урок доброты и смирения.

Вспомним повесть В. И. Даля «Павел Алексеевич Игривый», впервые опубликованную в 1847 году. Рассказывая о несчастной матери, вынужденной наблюдать безобразные поступки своего испорченного дитяти, страдающей из-за недостойного поведения сына, которого в детстве родители и сестра слепо любили и крайне избаловали, автор замечает: «Вот запоздалая, хотя, может быть, и заслуженная кара за гибельное воспитание сына – кара ужасная, хотя поздняя и бесполезная, потому что она часто даже не служит примером для других, а почитается просто случайным несчастьем...» [1, с. 248]. Это грустное замечание, к сожалению, слишком часто можно повторять и сегодня, более чем полтора века спустя. Увидеть собственные педагогические ошибки бывает и в наши дни так же трудно.

Дети наделены способностью врожденного понимания и переживания различных явлений и смыслов. Состояние, которое характеризует процесс формирования в сознании детей общей картины мира, можно назвать *все принимающим*, для которого свойственна особая «свободная легкость» в познании себя и в открытии для себя окружающего мира. Впитывая события своей жизни через индивидуальные личностные переживания, дети создают своеобразную «нишу», в которой можно «спрятаться» от негативного воздействия внешнего мира [9, с. 134].

Детство в творческом наследии В. Даля интерпретировалось как особый относительно замкнутый и в то же время открытый в современность и в будущее самоорганизующийся мир – как период накопления социального опыта и нравственно-этических знаний, становления и развития системы духовных ценностей. По мнению писателя, детство интересно, прежде всего, тем, что его художественное изучение позволяло раскрыть процессы психического и духовного становления, в своей совокупности непрерывно расширяющие потенциальные возможности ребенка в освоении им окружающего мира и самого себя как полноправного субъекта реальной действительности. По своей сути детство предстает динамичным этапом трансформации биологического в социальное, общего – в единичное, индивида – в личность. В художественном плане такого рода трансформации позволили писателю раскрывать глубинное духовное содержание, связанное со становлением человеческой личности, сопоставлять различные ценностные системы, в соответствии с художественным замыслом моделировать духовно-душевный образ ребенка.

Причину глубокого постижения образа ребенка (а глубину эту, как показало время, следует толковать как адекватность самому предмету) нужно искать в цельности мировоззрения писателя как христианского. «Сколько я ни знаю, нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого, что он православный... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней православие...» [12, с. 337]. Человек же (в лучшем значении этого слова, каким он должен быть), по определению Даля, «высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесною речью» [Там же]. «Он отличается от животного... нравственными понятиями и совестью» [Там же]. Цель его – царство Божие, закон – «духовное чутье; искушенья он презирает» [Там же].

Именно христианский подход к пониманию личности ребенка позволил В. Далю одному из первых в русской литературе показать его с таким доверием и так полно.

В рассказах, адресованных детям, подробно повествуется о происхождении и смысле религиозных праздников и обрядов («Крещенский сочельник», «Крестины», «Прощенный день»). Писатель объясняет важнейшие христианские заповеди, популярно излагает евангельские истории, например, о воскресении Иисуса Христа, о Марии Магдалине («День ангела»), говорит о вечном существовании души («Личина и мотылек», «Скучный день»). Один из самых страшных грехов – убийство души: убивает же душу тот, кто учит дурному, не слушаться родителей, не слушаться законов царских, не слушаться законов Божьих; такой человек убивает в душе все доброе («Прощенный день»).

В. Зеньковский справедливо заметил: «Детские религиозные переживания непосредственны, музыкальны, неясны, но дитя ощущает мир как живое целое, которым руководит любовно и заботливо – Отец» [9, с. 204]. В утверждении ученого важны две ключевые характеристики православного осмысления «детства»: естественного восприятия ребенком изначальной целостности творения и промыслительности жизни. Даль показывает нам русскую православную душу в момент ее пробуждения к Богу, в период ее первого младенческого восприятия Божества; он показывает нам православную Русь – из сердечной глубины верующего ребенка.

В рассказе «Крестины» Даль представил идеальный мир семьи. Софья Васильевна, оправившись после продолжительной болезни, обходит со своим мужем дом. «Дойдя до любимой белой комнаты, она остановилась перед дверью, ведущей с широкого крыльца прямо в огромный, тенистый сад» [2, с. 139], который разбил некогда прадед хозяйки дома. «Стоят хозяйка перед дверью, – мир и радость в их душе» [Там же, с. 140]. Далее читаем: «Софья Васильевна легко и радостно вздохнула и, подняв веселый взгляд на мужа, проговорила: — Кажорошо, как отраднo!» [Там же]. Дом синтезирует традиции семьи, рода, культуру семейных отношений, является главной составной частью в создании автором особого образа своей Родины. Ощущение

себя НА родине или ВНЕ ее может в значительной мере влиять на внутреннюю гармонию человека, его отношение к себе и окружающим, к своей истории, предкам, своей земле.

Для автора Отчий дом – наследственное имение, в котором покоится прах предков. Дом – та пространственная точка на просторах русской земли, где человек по-настоящему, кровно связан с ней.

Для благополучного развития ребенка, как показывает В. И. Даль, необходима обстановка психологического комфорта, которая заключается в создании атмосферы любви и заботы о нем, что и создает полноценные условия для развития его сердца и ума, ибо для Даля всегда важна нравственная сторона личности, созвучие дела и души, ума и сердца. Так, о внутреннем состоянии отца семейства, Михаиле Павловиче, автор говорит: «Душа его была полна любви, изливающейся на каждого мерой полной» [Там же]. О Саше после совершенного таинства крещения писатель отмечает: «...увидя отца, бросилась к нему на шею и заплакала; душа ее была слишком полна, она перелилась чрез край и вылилась слезами» [Там же, с. 146]. Софье Васильевне дается следующая характеристика: «она сама дитя душой, любила и тешила всех без различия, что даже часто бывало им во вред» [Там же, с. 145].

Даль настаивает на том, что ребенку для полноценного формирования необходима любовь и забота окружающих. Только в семье, построенной на добре, сосредоточены жизненные энергии: Мир, Сила, Свет, Милость. Эти светлые силы оказывают благотворное влияние не только на поведение детей, но и определяют характер межличностных отношений в семье.

Огромную роль в формировании детей играет бабушка, человек замечательный, олицетворяющий практичность, мудрость. Героиня одновременно наделена способностью бескорыстно любить, имеет тонкую душевную организацию. Она объясняет внукам, почему гордыня – один из главных человеческих пороков, в чем суть таинства крещения.

Автор обращает внимание на такую деталь: на таинство крещения приглашаются только самые близкие родственники, однако маленькая Аля привезла с собой двоюродную сестрицу Веру. «Старушка, наклоняясь к Але, шепнула ей:

– А сказала ли ты тете, что привезешь с собою гостью?» [Там же]. Таким образом ребенку объясняется, что на семейные торжества можно прибыть только по приглашению.

Даль показывает, с какой заботой и любовью героиня относится к своим внукам: «казалось, она вся обратилась в заботу и помощь маленькой крестной матери, но Тот, кто знает тайное человека, Тот видит, как в тайнике ее души чувство оформляется мыслью, и слышит: –Господи, да обратится земное имя Любовь в душевное ее качество, да будет она свята земною любовью для людей, да стремится вечно к образу и подобию Твоему!» [Там же, с. 146].

Обращает на себя внимание характеристика бабушки, данная внуком Сашей: «Странная такая, говорит и ласково, и строго, да притом так пристально глядит в глаза, что поневоле забудешь, что думаешь, и не знаешь, что ей отвечать». Чуть раньше Володя, один из друзей маленького Саши, «думает о старушке, которая так мудро, спокойно и быстро разрешает спорные дела». И далее: «—Акой бабушки у меня нет», – сказал он про себя, вздохнув» [4, с. 70].

Не случайно в рассказе «Милостыня» бабушку автор называет «охотницей до детских забав» [Там же, с. 69]. Героиня учит внуков терпению, показывает на своем собственном примере, как важно уметь выслушать других людей, помочь разобраться в трудной ситуации.

Так, бабушка помогает Сереже разобраться, «что легче... отдать ли бедным деньги или, отдав их, потрудиться еще» [Там же]. Она учит внука не осуждать всех без разбору: «есть люди очень достойные, которые, желая увеличить помощь, прибегают к разным приманкам. Их вы, конечно, не осудите, а осудите ли тех, которые, скрепя сердце, из одного послушания, едут и пляшут поневоле?... нельзя осуждать того, чего не знаем. Знает же сердце человека один Господь, который говорит, предостерегая нас: Не осуждайте, да не осуждены будете. Но про себя знайте: та милостыня лучше всех, про которую никто не знает, о которой Господь учит, говоря: чтобы левая рука твоя не знала, что подает правая» [2, с. 146].

Писателю важно показать внутренний мир детей. Он обращается к детским видениям и грезам во время сна.

В «просторной, высокой комнате на небольшой кровати под белым шерстяным одеялом» [4, с. 69] маленькая Мери представляет, как она своими ручонками вяжет салфетку, которую на благотворительном вечере обязательно купит бабушка.

«Закинув руки за голову», Зине снится «нарядный стол, на котором стоит много прекрасных вещей, но самая лучшая из всех работа поставлена на самом видном месте, – и это ее работа, которой все любят... Зина не помнит себя от радости, дух захватывает, самолюбие едва дает ейдохнуть» [Там же, с. 70].

«Милой Але тоже снится розыгрыш, но самый бедный: стол почти пуст, сбору не будет! Как быть?» [Там же, с. 71]. Девочка находит выход: она просит о помощи Лину, которая вместе с мамой и бабушкой «кроют и пригоняют детские работы» [Там же].

Совершенно недетский сон снится Нине, раскинувшейся «в кружевах и на атласных подушках» [Там же, с. 72]. Она представляет себя стоящей над всеми детьми, на ней привезенный из Парижа наряд. «Все смотрят на Ниночку, взрослые восхищаются ее... приемами, ловкостью, ее парижским выговором, а она, будто ничего этого не замечая, небрежно прихорашивается» [Там же]. Девочка «спесиво поворачивается вбок, она ищет глазами детей: видят ли они ее, замечают ли ее наряд» [Там же]. Однако дети не обращают на нее никакого внимания. «А Ниночка презирает это детство, оно кажется бедной скороспелке пустым, ничтожным и глупым; ей нужно красоваться и восхищать собою людей» [Там же].

Не думает о благом деле и Коко, спящий «на тонком, но довольно грязном белье» [Там же]. Мальчик представляет себе ужин после розыгрыша; «он будто прислуживает девочкам, выгадывая при этом для себя самые лучшие кусочки» [Там же], затем вместе со своим другом уходит в уголок, «уплетает ложку за ложкой» [Там же].

Матюша Мизгирев, «несчастный ребенок», выросший «под сенью наущничества и колотушек», кричит, прячась за товарищей: «Ну, что же, ну, дала, да много ли дала-то!»; «Ему во сне весело, что удалось бросить камнем из-за угла» [Там же].

Важно замечание В. Даля об этих мальчиках: родители Коко, пристроив сына к «хорошему подручнику» Матюше, не ведали, что творили: «О, если бы они знали, кого приютили! Если бы знали, что из ручной скотинки под влиянием такого товарища со временем выйдет лукавый зверь!» [Там же].

Крепко, спокойно спит Сережа, любимец бабушки. Ничто не тревожит ребенка, «мысли и чувства слились в одно, думы улеглись... сладко спится будущему человеку» [Там же, с. 71-72].

В рассказе «Крещенский сочельник» бабушка объясняет детям смысл и важность праздника Крещения, говорит о смирении, покаянии. Кроме того, дети получают урок: «В том-то и задача каждого человека, чтобы всегда помнить и делать должное. Привыкать же к этому надо сызмала; вот хоть ты теперь: ты знаешь, что хвастать не должно, ну и будешь остерегаться, а когда отвыкнешь от этого, то задашь себе другую задачу, например, делать должное так, чтобы оно людям в глаза не бросалось и тебя бы не хвалили за то, что ты делаешь свое дело» [3, с. 62-68].

В рассказе «Детские сумерки» В. Даль указывает на чистоту помыслов, бескорыстие, наивность в поведении детей. Писатель показывает детей из разных социальных сословий, мечтающих в полной мере познать окружающий мир. Героиня «Сумерек четвертых» – Мери – представляет себя путешествующей по Африке. Она берет в свою поездку родителей, сожалея о том, что братья не смогут вместе с ней поехать за попугаями. Героиня «Сумерек пятых» – дочка бедного башмачника Лиза – вместе с братьями катается на санках с самой высокой горы, мечтая увидеть Москву. Отец преподносит детям подарок: всей семьей они отправляются на сани в столицу. Они восторгаются Московским Кремлем, храмом Ивана Великого, Спасской башней. Важно то, что во время своей первой, запомнившейся на всю жизнь, поездки ребята встретятся с «маленькими барами» – Сережей и Алешей, устроившими совсем недавно для них незабываемый праздник.

Мир ребенка в изображении В. И. Даля – это мир ощущений и эмоций, представлений и мыслей, которые возникают и развиваются под влиянием разнообразных факторов. Герои показаны в состоянии интереса, удивления, стыда, радости, печали, смущения, тревоги, вины, любви: «Через полчаса тихонько вошла задумчивая Саша; она была бледнее обыкновенного», «девочка задумалась» [Там же, с. 64]; «Дети в изумлении смотрели на раскрасневшегося мальчика» [Там же, с. 63]; «весело сказал Алеша, сознавая у себя новые понятия вследствие разговора с бабушкой» [Там же]; «лицо ее (*Саша* – *Е. Ж.*) вдруг засветилось радостью, губы улыбались: видно было, что ее занимала какая-то приятная мысль», «девочка задумалась: она вникала в слова брата» [Там же, с. 68-69]; «Собственное осознание вины и строгий взгляд бабушки быстро успокоили вспльчивую девочку» [4, с. 64]; «Волнение Али прошло» [Там же, с. 65]; «Грубые слова мальчика вызвали общее детское негодование, сочувствие же к Але выразилось объятиями и поцелуями маленькой Мери» [Там же]; «Как только Миша услышал это решение, так заплясал от радости и бросился обниматься с сестрами; ему нравилась мысль о лотерее, но он очень боялся прозвища девочки, и потому молча пристал к мальчикам» [Там же]; «Дети пришли в неопиcуемый восторг; прыгая, они побежали рассказывать всем об этой новой выдумке» [Там же, с. 66]; «По залу задумчиво ходят Сережа с Володей, роем вьются над ними недавно слышанные речи» [Там же, с. 67] и т.п.

Тема детства красной нитью проходит через все творчество В. И. Даля, хотя и не выделяется в качестве центральной. Ее можно определить как некое фоновое звучание голоса автора. Обращаясь к ней, Даль, с одной стороны, раскрывает наиболее существенные стороны жизни героев, выявляет зависимость их характеров от обстоятельств взросления. С другой – он неоднократно возвращается к детству как к символу чистоты, нежности и бескорыстия. Тема детства приобретает у него метафорически-аллегорическое звучание. Это позволяет говорить о том, что писатель создает особый образ детства, реалистический и трагический, с одной стороны, высокий, романтический, жизнеутверждающий – с другой.

Даля всегда привлекало детство, которое он понимал как несказанно счастливую пору открытий, пробуждения сознания, ощущения себя малой частицей прекрасного мира. Писатель видел в детях продолжение жизни, чистоту, расцвет и вечность мира. Детство – это фундамент, на котором строится здание будущей «взрослой» жизни. От того, насколько прочным он окажется, от того, какие нормы и правила поведения будут заложены в человеке с младенчества, во многом зависит его дальнейшая жизнь и судьба. В. И. Даль хорошо понимал это. Вероятно, поэтому произведения писателя о детях и сейчас находят своего читателя.

Список литературы

1. Даль В. И. Избранные произведения. М.: Правда, 1983. 447 с.
2. Даль В. И. Крестины // Глинские чтения. М.: Самшит-издат, 2010. № 1. С. 139-148.
3. Даль В. И. Крещенский сочельник // Глинские чтения. М.: Самшит-издат, 2008. № 1. С. 62-68.
4. Даль В. И. Милостыня // Глинские чтения. М.: Самшит-издат, 2007. № 6. С. 66-73.
5. Даль В. И. Мысли по поводу статьи «О воспитании» // Морской сборник. М.: Морская типография, 1856. № 1.
6. Жесткова Е. А. Творческие задания как средство формирования читательской компетенции младших школьников // Современные фундаментальные и прикладные исследования. Кисловодск: Изд-во УЦ «МАГИСТР», 2013. № 3. С. 17-20.

7. Жесткова Е. А. Усвоение младшими школьниками традиционных морально-этических ценностей на уроках русского языка // Начальная школа. М.: Начальная школа и образование, 2013. № 5. С. 24-28.
8. Жесткова Е. А. Художественный компонент в повествовательной структуре «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: дисс. ... к. филол. н. Пенза, 2006. 172 с.
9. Зеньковский В. В. Психология детства. Екатеринбург: Деловая книга, 1995. 348 с.
10. Кондаков Б. В., Попкова Т. Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания // Вестник Пермского университета. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2011. № 4. С. 130-142.
11. Ласькова А. Е. Отзыв С. С. Дудышкина о «Семейной хронике» и «Воспоминаниях» С. Т. Аксакова в контексте его литературно-критической деятельности в 1850-е годы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). С. 102-106.
12. Мельников П. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. М.: Изд-во М. Каткова, 1873. № 3. С. 330-339.
13. Минералова И. Г. Детская литература. М.: ВЛАДОС, 2007. 175 с.

WORLD OF CHILDHOOD IN CREATIVE PERCEPTION AND ARTISTIC PRACTICE OF V. I. DAL

Zhestkova Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
ezhestkova@mail.ru

The article is devoted to the revelation of the topic of childhood in the fiction of V. I. Dal by the example of stories "The Alms", "The Baptismal Ceremony", "The Eve of Theophany", "The Nursery Twilight". The writer makes a special image of childhood, realistic and tragic on the one hand, and elevated, romantic and optimistic on the other hand. The childhood is considered as inherently valued life period and this shadow of meaning must be admitted as the writer's undoubted discovery.

Key words and phrases: world of childhood; image of child; creative work; Eastern Orthodoxy; soul of child.

УДК 808.51

Филологические науки

В данной статье гомилетическое наследие архиепископа Луки (профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого) рассматривается в качестве дискурсивного публицистического текста. На примере проповеди, опубликованной в «Журнале Московской Патриархии» в июне 1945 г., показано, каким образом проповеднический текст коррелирует с предметной областью журналистики. Отмечается также возможность рассмотрения проповеднического «Слова» как жанра журналистики.

Ключевые слова и фразы: жанр религиозной коммуникации; публицистика; «Слово»; проповедь; дискурсивный публицистический текст.

Забавникова Евгения Сергеевна

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
eva20038@yandex.ru

ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ – ПРОФЕССОРА В. Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО В «ЖУРНАЛЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ» 1940-Х ГГ.)[©]

Публицистическое наследие архиепископа Луки (в миру профессора Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, 1877-1961 гг.) долгое время оставалось на периферии научных исследований. В частности, его богословские труды, религиозные и политические публикации в «Журнале Московской Патриархии» (далее – «Журнал»), сотрудничество с зарубежной прессой, полемика в эмигрантских журналах до сих пор не нашли должного отражения в научной литературе. В настоящее время существуют только две диссертационные работы, посвященные анализу творчества В. Ф. Войно-Ясенецкого, – В. В. Поповой «Этические воззрения В. Ф. Войно-Ясенецкого» [13] и Н. Д. Мостицкой «Христоцентричная модель творческого развития личности: на примере творчества В. Ф. Войно-Ясенецкого» [11]. В названных исследованиях основное внимание акцентировано на этической составляющей и культурологическом анализе творчества знаменитого врача-архиепископа, рассматриваются этапные произведения его жизни – «Очерки гнойной хирургии» и философско-богословские труды «Наука и религия» и «Дух, душа и тело». Статьи В. Ф. Войно-Ясенецкого в «Журнале» не являлись предметом специального анализа. Нами были предприняты попытки рассмотреть особенности публицистического выступления архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) в официальной православной периодике с учетом влияния политической ситуации в стране [3; 4; 5]. В «Журнале» 1940-1950-х гг. среди опубликованных сочинений Войно-Ясенецкого можно найти и богословские эссе, и речи «в защиту